

© 1994 г.

И.А. БУТЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ «ЧЕРНОГО» ЮМОРА

Под черным юмором обычно понимается сочетание смешного с ужасным, трагическим. Его цель — рассмешив, напугать, или же, напротив, напугав, рассмешить. К этому виду юмора относятся анекдоты про уродов, покойников, вампиров, кровожадных родителей и несчастных или жестоких детей, про кровь и увечья.

«Черное» как отражение естественного человеческого интереса к смерти оказывается по сути дела одним из стилей, жанров или способов художественного освоения действительности. Что же касается смешного, то пристрастие к осмеянию уродств, насмешки над смертью и страданиями издавна присутствуют в народном искусстве балагана, в русском лубке. Юродствуют и ерничают герои средневековых карнавалов, скоморохи, шуты. В отечественном фольклоре глумление над смертью мы видим в страшных сказках, жестоких романсах, легендах. Значительная их часть посвящена семейным отношениям.

В подростковом фольклоре сегодня черный юмор существует в подавляющем большинстве случаев в виде дву- и четверостишей. Они легко запоминаются и очень похожи на частушки или бравые пионерские вирши, почему нередко в быту черный юмор еще называют садистскими *стихами*. В подавляющем большинстве их речь идет о чадах и домочадцах, чрезвычайно жестоких по отношению друг к другу. Именно здесь образ семьи, семейные отношения предстают в удивительном, однако, наиболее полном и доступном для исследования виде.

Такой фольклор до недавнего времени крайне редко оказывался научным предметом. А между тем этот материал чрезвычайно богат сведениями, характеризующими развитие личности, становление ее отношений с внешним миром, восприятие экзистенциальных проблем в сегодняшнем обществе.

Почему столь велика в черном юморе подростков роль семьи? Каков автопортрет

подростка в семейном интерьере? Что проявляет и что скрывает явное нарушение общекультурного запрета на дурное отношение к близким людям?

Прежде чем пытаться дать ответы на эти и связанные с ними вопросы, приведем значительное число произведений, изображающих образ родителей, детей и их взаимоотношения, ибо трудно рассчитывать на близкое знакомство читателей с таким видом «живого творчества масс».

Материалом для статьи послужили тексты, включенные в «Антологию черного юмора» [1], а также другие фольклорные произведения, которые в последнее время стали появляться в печати [2—5].

Семьей обычно считается малая группа людей, объединенных прежде всего общностью быта, взаимопомощью и моральной ответственностью друг за друга. Для ребенка и подростка семья — это почти все: здесь основа его физического существования, здесь формируются его основные ценностные ориентации, здесь же, по убеждению большинства психологов и психиатров, коренятся его страхи, комплексы, устойчивые привычки и т.п. Известно, что основа, «ядро» личности складывается к 6-7 годам — времени, когда нормальный ребенок большую часть времени проводит дома, а общается больше всего с родственниками. Неудивительно, что семейные отношения оказываются чрезвычайно ценными и потому неизбежно обсуждаются в том числе и в детском и подростковом фольклоре, хотя, конечно же, обсуждаются в специфической форме.

Здесь не найдем мы традиционных для фольклора представлений о Доме как безопасном месте. Здесь родители играют совсем другую роль, вовсе не защищая ребенка. Здесь нет и никаких нарушений запретов, традиционных для сказочных, зачинов. Вообще все как бы перевернуто с ног на голову.

В черном юморе уже сам отчий дом — гарантирующий, казалось бы, безмятежный приют от горестей и защиту от внешнего мира, убежище, куда стремится любой нормальный благополучный человек — показан как место, полное опасностей. Не только на его чердаке, в лифте или в подвале — в излюбленных местах рискованных детских забав, — но и в квартире, комнате ребенка подстерегает возможность получить удар током, сломать руки-ноги, замерзнуть в холодильнике, сгореть в плите:

«Темною ночью в пижаме в полоску
Мальчик на кухне распиливал доску.
Мягко железо в ногу вошло.
Вместе с ногою детство ушло».
«Маленький мальчик сидел на окошке,
Свесив наружу тонкие ножки.
Об мостовую грохнули кости.
Мальчик не едет к бабушке в гости».
«Маленький мальчик залез в холодильник.
Маленькой ручкой схватил за рубильник.
Быстро застыли сопли в носу.
Нет, не доест он свою колбасу!»
«Ручки и ножки исчезли все сразу.
Не подпускайте детей к унитазу!»

Стихи, посвященные семье, условно разделим на три неодинаковые группы, воздерживаясь здесь от оценки их доли в общем массиве, поскольку это требует специального изучения.

Первую группу составляют произведения о жестоких родителях и детях-жертвах. Родители рисуются как равнодушные свидетели детских мучений, а то и под видом ласковой заботы издеваются над ними:

«Маленький мальчик, высокий карниз.
Маленький пальчик летит с него вниз.
Ну а внизу улыбается мать:
"Нет, не умеет сынок мой летать!"».
«Маленький мальчик пошел в туалет.
Доски прогнили за несколько лет.
Треснуло что-то, и мальчик упал.
"Вкусно тебе?" — ему папа сказал.»

Черствые родители не только не способны к сопереживанию, но и откровенно радуются детским несчастьям:

«Маленький мальчик побриться хотел.
Бритвой опасной он горло задел.
Горькую весть сообщили отцу.
Папа сказал: "Поделом сорванцу!"»

Как видим, именно родители оказываются как косвенными, так и непосредственными виновниками мучений, увечий и гибели своих непослушных чад, причем наказание совершенно несоразмерно проступку, явно гиперболизировано:

«Мне мама в детстве выколола глазки.
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
Теперь я не смотрю мультфильмы, не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо.»
«Девочка дома в мячик играла.
Девочка в папу случайно попала.
Папа сказал ей: "Ах ты, егоза!"
Долго на пальцах блестели глаза.»

Трогательную «нежность» проявляют к малым детям не только родители, но и бабушки-дедушки, не оставляя надежды на помощь и сочувствие:

"Бабушка внучку из школы ждала.
Цианистый калий в ступке толкла.
Дедушка бабушку опередил.
Внучку гвоздями к забору прибил».

Не менее горячи и братские чувства:

«Маленький мальчик нашел автомат.
Долго у стенки корчился брат».

Детские повествовательные «страшилки» («Черная рука», «Желтый автобус») более распространенные среди детей 6-8 лет, в качестве главных действующих лиц также рисуют родителей и непослушных детей, которые попадают то в темную комнату, то на кладбище, где их ожидают встречи с таинственными и опасными незнакомцами, колдунами, вампирами и мертвецами, [см. 4].

Интересно, что в страшилках дети вред родственникам наносят чаще по незнанию — случайно что-то запрещенное берут, покупают, забывают, выбрасывают... В черном же юморе они, как правило, никакого запрета не нарушают. Более того, они тщательно выполняют «полезные советы» родных и близких. А вот родители — герои черного юмора — только и делают, что дают крайне вредные, пагубные советы, приводящие к увечьям или гибели наивных, доверчивых детей:

«Девочка в поле фанату нашла.
"Что это, мама? — спросила она.
"Дерни колечко," — ей мама сказала.
Долго над полем косичка летала».
«Бабушка в роще поганку нашла.
"Съешь ее, внучка", — сказала она.
Быстро Танюшка схрумкала гриб.
Живой не увидит внучку старик»

Вторую группу произведений, где героями являются родственники, составляют стихи в которых детям отводится противоположная роль. Дети отвечают родным и близким не меньшей заботой:

«Девочка Света нашла пистолет.
Больше у Светы родителей нет.»
«Мальчик в конверт запечатал тротил.
Папе на письменный стол положил.
Сын на граните решил написать:
"Нечего было за двойку ругать!"»

Не остаются без внимания и представители более старшего поколения:

«Мальчик бутылку с чем-то нашел.
С этой бутылкой он к деду пришел.
Долго смеялись над шуткою гости.
От деда остались одни только кости.»

«Дедушка внучку очень любил.
Дедушка внучке нож подарил.
Молча теперь деда в кресле сидит.
А меж лопаток ножик торчит.»

Третья группа стихов черного юмора (в имеющемся массиве, правда, весьма немногочисленная — 3 произведения из 567) рассказывает о том, что дети солидаризируются с кем-то из родителей, осуществляют совместные действия:

«Маленький мальчик на яблоню влез.
Сторож Пахом достает свой обрез.
Выстрел раздался, и сторож упал.
Мальчика сзади отец прикрывал.»

Немногим больше существует стихов и их вариантов, где дети солидаризируются с одним родителем против другого (всего 6):

«Маленький мальчик нашел пистолет.
Долго он целился папе в хребет.
Грянул тут выстрел — папа упал.
Мама спросила: "Неужто попал?!"*

Уже из этих примеров видно, что семья — это настоящее поле боя, на котором равнодушные, циничные, безрассудно и бессмысленно жестокие родственники постоянно друг друга увечат и умерщвляют. Кстати, это явление существует не только в отечественной подростковой субкультуре: черным юмором полна английская народная поэзия для детей «Mother Goose Rhymes», есть похожие произведения в США, Франции, Германии, Италии...

Обрисовав вкратце типы отношений детей и родителей в черном юморе, попробуем приблизиться к ответам на вопросы, сформулированные в начале статьи.

Думается, подобное отношение подростков к семье имеет целый ряд психофизиологических причин. Подростки ощущают нестабильность и зыбкость устоявшихся в семье отношений, когда выходят за пределы традиционного семейного круга в широкий мир.

Это чувство возникает на фоне осознания всеобщей относительности, характерного для подростков вообще и особенно усиливающегося в них, да и не только в них, сегодня.

Именно родные как самые значимые для ребенка люди оказывают на него самое длительное и сильное влияние. В большинстве случаев они наиболее авторитетны и дороги ребенку. Вот против такого авторитета и выступает массовое подростковое сознание, оформившееся в черный юмор, показывая пагубные последствия излишней родительской опеки и «полезных советов», выдаваемых детям. Ведь в конечном счете бездумное следование этим советам и приводит к плачевным для детей последствиям.

Очевидно, что это отражение малоосознанного, но осязаемого факта, связанного с тем, что в быстро меняющемся мире опыт, полезные для родителей знания далеко не всегда оказываются полезными и пригодными для следующего поколения. Это драма модернизации общества, по-своему преломленная в подростковой субкультуре, носители которой как раз и сталкиваются постоянно с дилеммой: воспользоваться ли предлагаемым опытом или пойти по собственному пути?

Имеются для такого образа семьи и другие основания.

Привязанность к родителям и зависимость от них тяготит подростка. Оказывается, и

---

* Заметим, что крайне интересно было бы в дальнейшем сделать анализ, в частности, соотношения семейных ролей среди палачей и жертв. Отец или мать, сын или дочь чаще оказываются в той или иной роли? Это можно осуществить благодаря подробному Индексу ко всем 567 прозаическим и стихотворным произведениям, содержащимся во втором издании «Антологии черного юмора», которое готовится к печати (индекс составлен В.П. Беляниным).

мальчики, и девочки 11—12 лет в большинстве своем очень озабочены борьбой за независимость в семье, о чем свидетельствует, в частности, учет звонков в службу «Телефон доверия для подростков» [6].

С помощью черного и прочего юмора происходит своеобразная подготовка к грядущему и ожидаемому одновременно с надеждой и опасениями ослаблению семейных связей подростка, к отходу от родительской опеки.

Иллюзорное освобождение от нее рисуется в фольклоре с помощью известного социальной психологии приема — унижения другого (родителей, вообще родных и близки; взрослых в целом), показа их в гиперболизированно неприглядном свете. А уж реальная жизнь задает немало возможностей для того, чтобы конкретизировать негативные человеческие качества, недостатки близких, ибо реальные отношения членов семьи обременены конфликтами на почве невнимания друг к другу, показухи, меркантильности и т.п.:

«Вовочка в кухню к маме пришел.
Но он на кухне еды не нашел.
Мама сыночка в плиту положила.
Вкусная будет гостям буженина!»
«Провод трамвайный низко свисал.
Мальчик подпрыгнул и провод достал.
Роется папа в кучке углей:
"Где же те джинсы за сто тыщ рублей?"»

Для подростка оказывается одинаково страшно и сохранить свою зависимость от родителей, и избавиться от нее. Его (ее) страхи, тревоги обостряются тогда, когда он (она) выходит из относительно замкнутого мира семьи и погружается в общество не более компетентных в жизненных трудностях сверстников и чужих людей, общество незнакомое одновременно маящее и пугающее. Именно сейчас, подростком, человек принимает на себя полную ответственность за себя, свое здоровье, свою свободу, свою жизнь. Самостоятельно вынужден он решать вопросы своей безопасности. Потому-то столь сомнительны «полезные советы» других. Эти стихи — предупреждения, своеобразная «техника безопасности», выполненная в присущей фольклору незамысловатой, вполне доходчивой и запоминающейся форме.

Как известно, страх — эмоция, возникающая в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. Он возникает при предвосхищении страданий и варьирует в широком диапазоне (опасения, боязнь, испуг, ужас). Когда источник опасности не определен или не осознан, возникающее состояние называется тревогой. А повышенная тревожность подростков общеизвестна. И она выражается, в частности, в потребности пугать других и самому пугаться. Если бы стремление напугать и испугаться не встречало понимания в среде самих подростков, то эти произведения, естественно, не стали бы столь популярны. Страх перед возникающими в этой связи с повзрослением трудностями и конфликтами во многом определяет и сам факт существования богатейшего разнообразия таких стихов.

Но зачем стремиться к переживанию страха? К еще одному его переживанию? Разве мало их дает нам и им сегодняшняя реальность?

Эта потребность пугать и пугаться не исчезает с развитием цивилизации. Она глубоко сидит в современном человеке. И неудивительно, что в сегодняшней массовой культуре колоссальным успехом во многих странах пользуются фильмы ужасов.

Однако напомним, что обсуждаемые произведения одновременно и юмористичны, хотя такой юмор по вкусу не каждому. Чувство юмора предполагает наличие у человека положительного идеала, без которого оно вырождается в негативное явление — пошлость, цинизм. Недостаточная выраженность чувства юмора свидетельствует о сниженном эмоциональном уровне развития, равно как и о недостаточном интеллектуальном развитии личности. Следовательно, любые формы юмора не просто имеют право на существование, но и оказываются свидетельством здорового душевного состояния человека. А предмет, над которым иронизируют — показателем особого отношения к обсуждаемой ценности.

Некоторые исследователи в таком отношении к семье усматривают крушение связей, являющееся неизбежным и, возможно, отрицательным последствием развития цивилизации — от племени и родовых отношений к индивидуализму и эгоцентризму. Отметим, не вдаваясь в подробное обсуждение этого тезиса, что он в любом случае оказывается прямой, непосредственной трактовкой неприглядной роли семьи в освещении подросткового

фольклора. Между тем черный юмор как явление народной смеховой культуры требует иного отношения к себе.

Высмеивая ситуации, пугающие его, человек как бы отстраняется, видит себя со стороны более сильным, неуязвимым и смелым. Такой карнавальный, очищающий смех, которому особое внимание уделял еще М.М. Бахтин [7], оказывается победой над страхом, его преодолением. Рисуя с нарочитым спокойствием глобальное разрушение родственных связей на бытовом уровне, на самом деле черный юмор подростков выполняет в определенном смысле функцию защиты тонкой, чувствительной психики подростка, предохраняя его от многочисленных и небеспочвенных страхов, идущих частично от современных условий жизни, а частично коренящихся в глубокой древности.

Понимание же перевернутой сути фольклора, постоянного переименования всех ценностей заставляет сделать вывод о неправомерности буквального толкования образа семьи в черном юморе. Не обесценивание семейных связей и привязанностей, не горькое разочарование в родственниках, не извращение семейных отношений и не деградация института семьи демонстрирует он нам, а, напротив, глубокую драму личности, вынужденно покидающую семью, остро переживающую предстоящее ослабление родственных связей. И потому, безусловно, пафос разрушения привычных связей и человеческих отношений в черном юморе, в страшилках, других жанрах детского и особенно подросткового фольклора оказывается одновременно и пафосом созидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белянин В.П., Бутенко И.Л.* Антология черного юмора. Мадрид, 1992.
2. Новый городской фольклор. // Слово. 1990, № 11, С. 10.
3. *Белоусов А.* Садистские стишки. // Частная жизнь, 18.05.1992.
4. Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы. Страшная повесть для бесстрашных детей. Жуткий Детский фольклор. / Предисл., сост.: Успенский Э., Усачев А. — М.: Экономика, 1992.
5. В 1993—1994 гг. регулярно публикуются подборки фольклорных и авторских произведений этого жанра на страницах «Очень страшной газеты»; в 1993—1994 гг. подборки произведений из вышеназванной «Антологии» публикуются в газете "Новый взгляд" — субботнем приложении к газете «Московская правда».
6. Телефон доверия для подростков. М.; Знание, 1991.
7. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. М., 1983.